

Ю. А. Пустовойт

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия)

ГНЕВ И ЭМПАТИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ*

Принята к публикации 08.05.2020

В статье рассматриваются современные политические процессы в рамках концепций, сосредоточивающих внимание на формировании индивидуальной и коллективной идентичностей, сознательного или бессознательного, выраженного в концентрированной форме, соотнесения себя с теми или иными социальными группами на основании различных критериев. В рамках теоретических подходов Ф. Фукиямы, Дж. Голдстоуна и А. Хокшилда автор рассматривает эмоциональную составляющую процесса групповой идентификации и ее значение для самоопределения. Анализ собранных в течение последних шести лет эмпирических данных (наблюдения и интервью) о властных коалициях и протестных сообществах в сибирских городах позволяет сделать предварительный вывод о формировании нового типа политической идентичности. Характерными чертами последней являются усиление акцента на индивидуальных и коллективных эмоциональных переживаниях, превалирующих над традиционными классовыми, этническими и территориальными требованиями и целями, фокусировка на эмпатии, а не на гневе, поиск союзников по чувствам, а не интересам. В течение ближайших лет закономерно произойдет смена политических поколений, а так как новое поколение формировалось в принципиально иных условиях, получило иную социализацию, чем его предшественники, возможна очередная серьезная трансформация социальных и политических институтов.

Ключевые слова: идентичность, эмоции, элита, коалиции власти, протестные сообщества, миллениалы, протесты, Сибирь.

DOI: 10.32324/2412-8945-2020-2-36-44

Как переживания формируют внутреннее достоинство личности, как это достоинство выражается в словах и поступках, становится элементом группообразования и политической борьбы, борьбы за изменение институтов власти, определяющих каждому из нас его место, ресурсы и жизненные перспективы, — эта область проблем намного выходит за рамки нашего материала, но, не обозначив ее, невозможно понять ее ценностные и научные перспективы. Главные революционные ценности модерна: свобода и равенство (ценность братства здесь вынесем за скобки) — привели к формированию современного мира, где доминирующие позиции занимают институты капиталистической экономики и национального государства — двух основных источников власти (четырёхтомник Майкла Манна позволяет проследить все этапы этого процесса), следствием чего стало формирование резко поляризованных территориальных и экономических

структур, где жизненные шансы в показателях дохода определяются на 80 % территорией проживания и на 20 % классовой позицией [6, с. 602]. Отсюда при рассмотрении этих проблем в оптике Хиршмана [10] лежит массовая миграция с бедного Юга на благополучный Север (бегство), рост экстраординарных событий — от мирного протеста до создания террористических организаций, или просто принятие «жизни как она есть», смиренное согласие со своей классовой позицией (лояльность). Во всех случаях в основе выбора — оценочное восприятие ситуации индивидом и те решения, которые он принимает, исходя из своих ожиданий и жизненного опыта — уйти, бороться, покориться, невозможно оторвать от его оценок самовосприятия и восприятия его другими, что сейчас обозначается понятием идентичности.

«Эмоциональное воздействие, которое способна оказать на общество униженная группа, добивающаяся восстановления чести и достоинства, может быть гораздо сильнее влияния людей, просто преследующих экономическую выгоду», — эти строки Френсиса Фукиямы можно рассматривать как эпиграф нашей статьи [12, с. 23]. Его книга — написанный академическим языком политический манифест — объясняет тенденцию последних лет роста популярности и прихода к власти популистских националистов. В его системе

ISSN 2412-8945. Развитие территорий. 2020. № 2 (20).

© Ю. А. Пустовойт, 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Интернет как комсомол. „Бумеры” и „миллениалы”: особенности конструирования, обсуждения и реализации мобилизационной повестки (опыт сравнительного анализа формирования политической идентичности в сибирских городах)» № 20-011-31355 опп.

взглядов идентичность основана на универсальной тимостической психологии человека, когда подлинное внутреннее «Я» в условиях фальшивого и репрессивного общества прорывается наружу и требует признания своего достоинства.

Понятно, что ключевая категория не может быть исчерпывающе определена в рамках нашего скромного исследования. Энциклопедическое издание «Идентичность: личность, общество, политика» [2] — около тысячи страниц текста, рассматривающих различные подходы и аспекты этого феномена. Для нас в этой книге наиболее интересной является глава П. В. Панова о взаимосвязи сообщества и идентичности, где всесторонне обосновывается идея о том, что понимание себя (своего места в мире) имеет социальную природу и возможно только в рамках определенного сообщества. При этом политические сообщества определяются как особые «категории акторов, которые вступают в политические коалиции на основании общих целей и инструментальных интересов в сфере публичной политики [Marsh, Smith, 2000]» [2, с. 280]. Важным считаем, что современное понимание идентичности и сообществ позволяет рассматривать здесь как традиционные малые группы, где взаимодействие происходит лицом к лицу, так и «воображаемые сообщества», Интернет и сетевые объединения. Словом, процесс изменения представлений о себе и корреляция последующего поведения может быть не только в системе интерактивных ритуалов Р. Коллинза [3], где важным является одновременное присутствие людей в одно время и в одном месте с удержанием фокуса внимания на общем символе, но и в ситуации, когда в голове у индивида вне этого локального сообщества создан (сконструирован) образ значимых других, влияющих на его самоопределение и поведение, чему посвящены многочисленные работы, выполненные в духе социально-конструктивистской парадигмы [9].

В социальном измерении принадлежность к определенной социальной категории (пол, раса, гендер, класс, этнос и др.) определяют (иногда взаимоисключающие) правила группового взаимодействия, вступая, например, в конфликт по классовому признаку или солидаризируясь по признаку национальному (и наоборот). Значимы принадлежность к локальной группе (исследования Стауффера во время Второй мировой войны), уровень экономического развития, когда при достижении определенной экономической справедливости фокус борьбы смещается к борьбе за престиж (исследования Ненси Фрейзер). В настоящий момент борьба за признание группы может рассматриваться и как борьба за экономические преференции, и как самодостаточная ценность [8]. Признано, что государство является главным конструктором национальной идентичности, так как располагает широким набором инструментов (правила гражданства, возможности тиражирования значимых символов, контроль школьных программ), позволяющих формировать необхо-

димые представления о мире, сообществе и его истории. Современная российская политика в этом отношении является достаточно неопределенной, и на непростые вызовы современности первыми лицами государства даются самые разные, иногда противоречивые ответы, основанные на различных критериях [5]. Исследователи подчеркивают, что на персональном уровне вследствие усложнения картины мира, ее множественности и отсутствия гарантий нахождения точных ответов на вопросы: кто я? что я в этом мире делаю и для чего? — индивиду для снятия внутреннего напряжения приходится постоянно конструировать персональную идентичность. Это происходит обычно через создание собственных биографических нарративов и материализуется через различные формы интернет-коммуникаций. Относя себя к группе «своих», индивид автоматически обозначает и группу «других» («чужих», «лишних», «врагов»). Смена идентичности, с одной стороны, позволяет легко перемещаться между различными группами, быть космополитом, с другой — вносит некоторую драматичность в повседневное существование, так как выполнение любой социальной роли полностью и плотно не задействует весь личностный потенциал. Ответ на вопрос: кто я и на своем ли я месте? — остается открытым [4].

В работе «К теории революции четвертого поколения» Дж. Голдстоун так обозначает рамки протестной идентичности: «По-видимому, протестная идентичность — чувство привязанности и преданности к протестной группе имеет в своей основе три источника. Во-первых, принадлежность к группе в значительной степени оправдывает и легитимизирует недовольство и гнев отдельных лиц, вызванные существующим порядком. Во-вторых, группа, если она обеспечивает конкретные выгоды, либо предпринимает результативные действия, защищая своих членов и добиваясь перемен, наполняет своих участников чувством силы, независимости и эффективности, тем самым завоевывая их коллективную приверженность. В-третьих, само государство может создать или укрепить чувство оппозиционной идентичности, назвав какую-либо группу своим врагом либо предприняв действия против этой группы, тем самым продемонстрировав, что та не может рассчитывать на защиту и справедливость государства. В результате она остается в глазах своих членов единственным источником справедливости и защиты. Иными словами, протестная группа вербует сторонников, провозглашая себя носителем тех качеств, которые ожидаются от государства, а именно справедливости и эффективности» [1, с. 76].

Таким образом, ключевыми компонентами протестной идентичности выступает наличие общих эмоций, рационального интереса и объекта борьбы. Человек действует, если он чувствует, что его переживания разделяются группой, он в результате своих действий больше приобретет, чем потеряет, и если он точно знает, против кого

именно направлены его поступки и почему именно эти «другие» являются причиной его незавидного положения.

В социологической перспективе нам импонируют идеи и категориальный аппарат, предложенные Арли Рассел Хокшильд в книге «Управляемое сердце: коммерциализация чувств». Здесь в фокусе внимания находятся процедуры подавления или усиления эмоциональных состояний (гнева и эмпатии), к которым мы прибегаем в различных социальных ситуациях, или, используя примитивную актерскую игру, или (сложнее) вызывая, по системе Станиславского, глубинные переживания в нужном социальном контексте. Автор выделяет три составляющих эмоциональной жизни: эмоциональную работу (режиссирование эмоциональной жизни теми, кто занимается этим профессионально), правила для чувств (требования отказа от личного эмоционального выбора и публичное прописывание тех нормативов, которые регулируют эмоции) и социальный обмен (монетизация чувств, включение мотивов достижения прибыли в систему актов управления эмоциями).

Определяя диапазон эмоций, автор синтезирует органические и интеракционные традиции (Дарвина, Фрейда и Гофмана) и выводит из них постулат, где наличие биологического данного чувства («непроницаемого ядра») связано с ориентацией на действие. Далее для его понимания необходимо сместить фокус внимания на выполняемые им сигнальные функции и на то, как социальные факторы влияют на наши ожидания, и, соответственно, на то, что именно сигнализируют чувства. Эмоция — это протодействие вместо действия (несостоявшееся действие). Гнев, по Дарвину, прелюдия убийства, опыт тела, готового к воображаемому действию, дополняется фрейдовской идеей сигнальной функции (тревога у Фрейда — сигнал о надвигающейся опасности). Это сообщение накладывает на ожидания, сообщение об «опасности» приобретает значение «опасности» только в отношении того, что мы ожидаем. Так как у взрослых ожидания являются социальными, чувства обуславливаются социальным фактором [11, с. 338—340]. Здесь действуют два принципа: избегать боли и искать выгоду на общественной сцене [11, с. 113].

Назвать чувство — это значит назвать способ видения, навесить ярлык на восприятие. Чувство сигнализирует нам о восприятиях и ожиданиях, и управление чувствами, по системе Станиславского, означает сознательное управление вниманием, на что направлять внимание и что ожидать, но в большинстве случаев способы восприятия активно не направляются и не осознаются. Сложносоставные эмоции — это серийные восприятия, названия которых соответствуют пять категорий перцептивного фокуса: (1) то, что я хочу, (2) то состояние, в котором я сейчас нахожусь, (3) то, что я одобряю или не одобряю, (4) предполагаемый казуальный агент, (5) мое отношение к этому казуальному агенту. Каждая эмоция имеет две основные точки фокуса и иногда периферийный

фокус. В случае печали я фиксируюсь на том, что я чего-то желаю, но что-то мне недоступно.

Приоритет эмоций над рациональными ображениями в политической жизни отмечал еще Н. Маккивелли. Его наблюдения эмпирически подтверждали его последователи — от классиков-элитаристов (В. Парето, Г. Моска и Р. Михельса) до современных авторов «руководств для диктаторов» (Брюс Буэно де Мескито). Общим местом стало упоминать умение лидера продуцировать страх и любовь. Предлагаем использовать идеи и категориальный аппарат Арли Хокшильд для исследования значимых эмоциональных состояний и рассмотреть в этой оптике два компонента, которые имеют основное значение в публичной политике: симпатию (любовь, эмпатию) и гнев (негодование). Как отмечает американская исследовательница, гнев, озлобление, негодование соответствуют паттерну фокусировки на причине фрустрации и ощущении себя сильнее того, кто обозначен как виновник сложившегося неблагополучия. Если агент, вызвавший негативные эмоции сильнее, чем я, то принято говорить не о гневе, а о страхе. Гнев, по Хокшильд, это три фокуса: первичный — «Ты меня ударил», вторичный — «Есть расхождение между „хочу” и „есть”» (фрустрация) и последующее отношение между мной и казуальным агентом как «Я сильнее и могу сам напасть». Назвать чувство означает назвать объект фокусировки на чем-то происходящем во внутреннем и внешнем мире человека. Любить — это значит сосредоточить внимание на тех желаемых качествах объекта, которыми он обладает, и подчеркнуть близость социальной дистанции [11, с. 345—355].

Последние шесть лет мы занимались исследованием коалиций власти и протестных сообществ в сибирских городах. В одних исследованиях в фокусе внимания были коалиции власти в сибирских городах, в других — протестные сообщества. В целом в течение 2013—2019 гг. исследовательская группа встречалась и проводила интервью с людьми, входящими в городские властные коалиции, лидерами и участниками протестных объединений, жителями городов Сибири, которых в той или иной мере затрагивает рост протестной активности. Обычно беседа состояла из пяти ключевых блоков (биография, проблемы города, оценка организации протеста, мотивация участников, перспективы на будущее). Всего более 80 интервью (число встреч и не задокументированных бесед намного больше) в Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерово, Новокузнецке и Абакане.

Главная сложность в работе с качественными данными — это трудность верификации. Техники триангуляции и «длинного стола» позволяют получить некоторый более сбалансированный и обычно адекватный ответ на большинство исследовательских вопросов, но когда речь начинается о чувствах и эмоциях, которые испытывают участники тех или иных политических сообществ, о степени их выразительности и воз-

можных на этой основе вариантах действия (которое может идти вне рациональных интересов), то тут для исследователя начинается серая зона интуитивных догадок и взаимоисключающих мнений при обсуждениях. Работа Арли Хокшилд, на наш взгляд, может серьезно продвинуть нас в определенной объективации результатов бесед и интервью. Если мы начнем сравнивать между собой в рассказах о происходящем фокусы внимания лидеров различных сообществ, сопоставлять поведенческие паттерны известных случаев с новыми и потенциальными проявлениями, мы, возможно, сможем больше понять природу политических эмоций, правила их проявления и формирования идентичностей на этой основе.

В течение ближайших 20 лет в основных институтах политической и экономической власти произойдет смена поколений. Большинство средних и часть высших позиций в управлении займут люди, во-первых, не имеющие советского опыта социализации, во-вторых, имеющие принципиально иные компетенции установления и развития коммуникаций в «цифровой» среде, в-третьих, потенциально имевшие в молодости гораздо больший диапазон возможностей для выбора жизненных стандартов и траекторий собственного социального продвижения.

В. Радаев в работе «Миллениалы. Как меняется советское общество» предполагает существование разлома между последним советским поколением, поколением «бумеров», или «застоя» (период взросления 1964—1984 гг.), и «миллениалами» (период взросления 2000—2016 гг.) [7, с. 180—183]. Разлом означает отсутствие общих тем, общей иерархии значимости проблем, способов их обсуждения и общих рамок интерпретации, что, с одной стороны, облегчает внутрипоколенную мобилизацию, с другой — делает практически невозможным общее коллективное действие на основе трансляции привычных идеалов и ценностей. Вхождение в политику старшего поколения обеспечивалось в молодости комсомольскими организациями, ориентированными на советские единые стандарты поведения, сегментированную, «дозволенную» активность и обязательную ритуальную практику политического общения. Новое поколение, напротив, имело множество стандартов, получило более широкий диапазон возможностей и обилие сетевых контактов, требующих иных компетенций, которых не было у их родителей и большинства преподавателей. Многосторонние отстраненные эффекты этой сетевой социализации и ее влияние на политические процессы предстоит еще выявить и изучить, но сейчас уже понятно, что многие принципы политической жизни будут переоформлены. Среди качеств «миллениалов», выделенных российским исследователем: бремя выбора, вызванное изобилием возможностей, затянутый период взросления, острое стремление к самореализации, возможности производства и тиражирования индивидуального контента, отказ от трудоголизма, толерантность к различным (этническим, сексуаль-

ным, гендерным) меньшинствам, поглощенность различными типами и каналами коммуникации, вызванная их обилием, высокая конкуренция за внимание аудитории [7, с. 159—183]. Все это, по мнению В. Радаева, последствия социального перелома 2000-х гг., который связан не столько с политическими и экономическими катаклизмами и преобразованиями, сколько со сменой поколений, широким распространением цифровых и сетевых технологий и появлением новых жизненных практик.

Это не конфликт поколений, вызванный взрослением и отказом молодежи следовать путями, намеченными родителями, когда есть противостояние и спор по поводу целей и средств, это, скорее, отсутствие спора, потому что не о чем спорить, так как жизнь старших и младших протекает в «параллельных вселенных». Разумеется, эти жизненные ситуации найдут свое отражение в отношении к политическим процессам. Учитывая выводы В. Радаева, мы предполагаем, что политическая борьба сместится от выбора какой-либо позиции в конфликте интересов «за» или «против» (относительно партии, Крыма, пенсионной реформы, Навального и т. д.) к отстаиванию личных границ и справедливого порядка. Соответственно, можно будет предположить, что на этой основе будут формироваться различные типы поколенческих идентичностей и оснований для объединений чувств (эмоций), выгоды (соотношений приобретаемых благ и затраченных ресурсов) и оценок противника — от оппонента, с которым можно договариваться и находить общее решение, до врага, которого в конечном итоге необходимо уничтожить.

Проверим наши предположения через сопоставление фокусов внимания во время интервью представителей поколений «бумеров» и «миллениалов». Все интервью проведены с лидерами и участниками политических объединений одной оппозиционной направленности, они проживают в разных городах, имеют различный жизненный опыт. Здесь для нас были основными различия в поколенческом статусе респондента. Из всего объема высказываний в интервью мы выбрали только те, которые характеризуют паттерны фокусировки, соответствующие проявлению солидарности и эмоционального принятия (эмпатии) и сильной фиксации на поведении «другого», обозначенного как виновник происходящего (гнева).

Начнем с оценок старшего поколения. По нашим наблюдениям и беседам, здесь чаще подчеркивается исключительный характер молодежи, ее открытость и космополитизм. Как правило, это поколение начинает рассказ с эмоциональной составляющей (маркером служат слова «возмущение», «оскорбление», «кризис»). Отношение к противникам чаще всего персонализированное — для занимающих ключевые позиции (часто называются конкретные фамилии) и безличное — для исполнителей. К последним часто проявляется некоторая доля сочувствия. Иногда говорится о согласованности власти и пассивности населения.

«— Мы не ожидали, что у нас, под нашими ногами выросла такая молодежь, которую мы просто проморгали, уж точно мы не воспитывали ее такой. И тут на тебе! Пришел новый пласт людей и сказал: „Вот мы”.

— *Чем-то отличается от вас в молодости?*

— Нет, конечно, отличается. Ну любое поколение отличается. Я много поколений молодежи... внимательно смотрел. В силу тех или иных причин. Все отличаются, т. е. не бывает так, чтобы прошло 10 лет и ровно такая же молодежь была... Другая терминология, другие привычки, другое общение, другая мода, другое мировоззрение вообще у каждого поколения. Вот это поколение интересно тем, что оно действительно мировоззренчески очень взрослое. Наверное, это связано с цивилизованными изменениями, открытостью мира, открытостью коммуникации. Это поколение уже учится не у себя в вузе, оно учится уже у мирового сообщества. И в общем все новое поколение вышло с манифестом, самый сильный поколенческий разрыв, самый сильный поколенческий манифест, который я видел опять за свою жизнь, обращения к собственным родителям с претензией: „Вы украли у нас страну”. И я заметил, что очень многие представители предыдущих поколений, родители вот этих вот людей, они вслед за детьми уже начинают идти. Сегодня уже студенты или даже старше школьники ведут в протестное движение, в наш штаб собственных родителей... буквально за ручку.

<...>

— В Новосибирске могут жить бедно, и многих это не заботит. Я хорошо знаю Академгородок много лет, да я всегда там жил. Удивлял он меня тем, что большой и великий ученый может жить в хрущевке, он там живет, как в общежитии, зайти невозможно, там натуральная общага, там ободранные обои, которые наклеены 25 лет назад. Это уровень материального достатка и личной эстетики. Вот поэтому трудно говорить здесь. Новосибирцы, удрученные собственной бедностью, пойти из-за этого на баррикады не готовы... Другое дело, что их сейчас макают все время мордой... Мы знаем ситуацию с „Тангейзером”, один из рекордных все-таки по численности митинг. Это не материальные вещи. Тарифы ЖКХ... тоже не были материей, приоритет не был чисто материальным, очень многие люди не замечали, сколько платить — на 15 % больше или на 20 %.

— *Что их зацепило?*

— А их зацепило, что их оскорбили. Вот эти люди приняли решение, чтобы не стало решения и этого Городецкого. Среди этих людей были депутаты из города, из области, поддержка была во всех слоях и бизнесе, и в низкой социальной среде, и среди пенсионеров, и среди депутатов, и так далее. У каждого был свой зуб на Городецкого.

— *Вот в ситуации с „Тангейзером”, что, по-вашему, что здесь произошло?*

— Ну, во-первых, возмутило хамское поведение РПЦ. РПЦ никогда не была сильной организацией в Новосибирске, а когда она вылезла,

сказала: „Я тут буду цербером”. Во-вторых, возмутила опять же наглость Москвы, тоже было большое возмущение. Наконец, возмущение тем, что им сказали: „Это вы будете смотреть, а этого не будете смотреть”. Вот и я думаю, что очень много и из артистической среды, и из интеллигентской среды вышло, именно с этим мнением, чтобы мы имели возможность смотреть вещи, которые нам нравятся или не нравятся, и обсуждать.

<...>

И менты безобразничают, только под сильным давлением из Москвы. Напомню, самый громкий эпизод прошлого лета, когда был приказ изъять тираж газет Алексея Навального... 120 тыс. экземпляров. Мы привезли в штаб из типографии, и вот они пришли и забрали. Они совершенно не хотели этого делать, но федеральная установка... противостоять, в том числе изымать тираж. Вот они пришли этот несчастный тираж изъять, мы сказали: „Вы сюда не зайдете”. Дверь закрыта, и с девяти утра до шести вечера эти несчастные полицейские толпились у нас на крыльчике, ничего не могли сделать. Они были страшно недовольны и удручены. Мы ходили, снимали их на телефон, выкладывали в социальные сети, весь город уже ржал над этим делом. Вот, ну и кончилось потом тем, что они все-таки выполнили приказ любой ценой ворваться. Не нашли ничего лучшего сказать, что в здании бомба. А дальше вы знаете: вся улица была оцеплена, приехала куча машин, минеров, собак, скорой помощи, пожарных и так далее... людей в масках, они всех отогнали, включая нас, выломали дверь и украли тираж газет. Это было еще более позорное явление. Как я знаю, семь рапортов после этого безобразия было брошено на стол об увольнении. Люди сказали: „Мы давали присягу служить не этому безобразию”. Конечно, в Новосибирске, как и везде... Абсолютно отвязные суды, не имеющие ничего общего с реальностью, но они тоже стараются все-таки гадить помаленькому. Они, конечно, никогда ни одного правосудного решения не вынесут, но и неправосудное решение будет смешным. Если в другом городе назначат арест, у нас назначат штраф 500 руб. Это так, как могут назначить наказание по минимуму, на их сленге означает оправдательный приговор. В этом смысле мы постоянно находимся в состоянии судов за что-нибудь, с кем-нибудь. Ну пару раз нам даже удавалось получать правосудное решение, выигрывать. Бывают судьи, которые прямо не могут совсем до горбатого лепить» (лидер протестного объединения, Новосибирск).

«Ну вот у них такие соображения. Они по этой статье 20.2 часть 8 дали ей 250 тыс. штрафа. Максимум 300 тыс. Люди просто собрались и поговорили. На тебе 250, а после этого ее еще упаковали на 10 суток административного ареста. Они реально совершают уголовное преступление. И это нормально, они все это делают согласованно. В этом задействованы все. У нас правовая

система заключается сейчас в том, что она превратилась в какой-то цех, конвейер. То есть сначала менты и чиновники администрации, в конце судьи, которые без проблем выполняют эту грязную работу... Она отсидела, четвертого июня вышла. Четвертого июня следующего года срок погасится, она будет уже как не привлеченная. Там еще штраф надо заплатить — 250 тыс. Именно по публичным мероприятиям и буквально еще две-три статьи какие-то, увеличили максимальный арест до 15 суток, а штрафы до 300 тыс. — только за уголовные преступления, да и то не за все. А здесь это политика государства — запугать, загнать в какую-то кабалу. Не заплати ты этот огромный штраф — откуда у обычного человека, который еще ходит, митингует, такие деньги? — тебе увеличат в два раза, будет уже 500, а потом тебя будут арестовывать постоянно. Эта история будет продолжаться, пока штраф не заплатишь, а он может увеличиться в два-три раза... Одно дело — высказывать недовольство на кухне, другое — открыто на акциях. Да, государство делает все возможное, чтобы это подавить. Нет традиций, наверное, это тот самый наш менталитет. Но все, кто выходит, они все активные, они понимают, зачем они здесь» (активист протестного объединения, Томск).

Об этих же проблемах «миллениалы» рассуждают несколько в другой тональности. Здесь больше оптик рассмотрения, больше эмоций, связанных с нарушением личного пространства, больше потребность в объединении (проблема — найти единомышленников) и больше дистанцирование себя (протестующих) от «других» (обывателей). Как правило, упоминается по фамилии только президент, остальные скрыты под должностями или ярлыками: губернатор, эшники («отдел Э», подразделение МВД, связанное с экстремизмом).

«Оно [протестное движение] будет расти при условии сохранения экономической ситуации. Ну и люди при постоянной такой активности поймут, что так тоже можно, что можно добиваться каких-то результатов. Они будут использовать этот механизм для достижения своих целей. И я надеюсь, что потом эти люди получают своих представителей в органах власти и смогут получать поддержку и решать вопросы. А протесты буду восприниматься нормально, что это нормальное явление, закрепленное Конституцией... А с остальными нужна большая информационная работа. То есть объяснить людям, что не злой Медведев вам повышает, а что вся система так работает. Что они будут собирать с людей, а не искать в резервах. Потому что это такая линия партии» (лидер, Томск).

«— Вообще в оппозицию я пришла на волне протестов против нечестных выборов в декабре 2011 г., когда была массовая волна и по всем городам выходили на тогда еще не санкционированные, но неопасные митинги... Это было все стихийно. В Барнауле было порядка 3 тыс. человек на самой центральной площади города, без согла-

сования люди собирались в группе „ВКонтакте“, там происходил сбор, оттуда же люди информацию и получали, куда я и пришла с друзьями.

Потом как-то все закрутилось, и люди, которые там собирались, предложили встретиться офлайн где-то, чтобы познакомиться и определить, что мы дальше будем делать. В результате мы собрались, около 25 человек реально пришло на встречу в офлайне, так образовалось протестное движение „Декабристы“. И стали мы декабристами.

— *Вы сказали, тогда это было неопасно?*

— Да, потому что тогда за несанкционированные митинги были штрафы копеечные, никого не сажали, никого не прятали, выписывали штраф небольшой и отпускали.

Первая акция у нас была прогулка с белой лентой 31 декабря по городу, была огромная белая лента, и мы с ней по городу круг сделали, без какой-либо цели. А потом у нас был наномитинг — самая первая и очень громкая акция, которая на весь мир прогремела.

Мы подали уведомление на проведение митинга обычного — нам отказали, и мы взяли и сделали митинг игрушек, т. е. каждая игрушка держит политический плакат с нормальными лозунгами только крошечного размера и прямо в самом центре на площади Сахарова мы устроили митинг игрушек, там журналисты все расписали.

— *А сейчас?*

— Потом тут прокуратура и ФСБ к нам пришли. Мы же экстремисты, все нас постоянно пасут... Жизнь под надзором. Телефон прослушивается.

...Мы потом против Путина стали выступать. Обычные митинги против Путина. Что, вы не знаете, как у нас в стране за лайки сажают? Из наших декабристов человек иммигрировал в Америку, потому что обыск, уголовное дело завели с угрозами. Он иммигрировал. И все. И не может вернуться. Потому что в федеральный розыск объявлен» (лидер, Барнаул).

«Мне Путин нравился. Первый и второй срок, я еще очень маленький был. Хороший чувак, сильный, мужественный. Хорошие дела делает. Вот и Медведев, когда стал президентом, я думал, что Путин хороший мужик. Говорил типа, что... отработаю срок и все... Но, когда он уже третий срок, я понял — что-то не так. Путин перестал мне казаться хорошим человеком и упал в моих глазах... После этого я начал думать и заниматься всякой оппозиционной деятельностью» (активист, Новокузнецк).

«Я вообще не знал еще это движение и считал, что все, в том числе команда Навального, не способные к какой-то такой политической борьбе... Мне Путин изначально не нравился... После 14-го года я был в политической депрессии... потому что ну а какой смысл что-то делать, если он вообще непробиваемый. Кого ни спроси... Они, команда Навального, дали понять, что вообще можно поднять все эти акции... Дали по-

нять, что людей много и что я не один, есть единомышленники. После этого я убежден и останусь убежденный, что цель митингов, порой, особенно в регионах, даже не столько как-то досадить власти... Ей все равно... А только для того, чтобы показать людям, которые пришли, что их много... Ну вот 12 июня, Новокузнецк. Новокузнецк — захолустье какое-то. А на митинге самые разные люди... самое интересное, что это — образованные люди, т. е. абсолютно разных возрастов, и это... дает понять, что не все потеряно, что есть какая-то альтернатива...» (активист, Новокузнецк).

«Мне тоже печально видеть, что большинство людей, уже взрослых, поддерживают порядок в стране и когда тебе говорят в новостях, что все хорошо. Ну все хорошо, все... Слушаешь и выходишь на улицу, видишь... Ну что все не так радужно... чему верить... понимаешь, что на самом деле происходит. Здесь видишь, что я не один такой, что есть люди, которые думают так же, и мы на самом деле, мы требуем просто достойной жизни для нас...» (активист, Новокузнецк).

«Показатель абсурдности власти, ну когда ты один... Ты слышишь мнение своей семьи, одноклассников, одноклассников, коллег по работе и понимаешь, что большинство вроде за власть... Потом попадаешь на митинг... Вот у нас есть люди, которые живут около разреза [угольный разрез], и скоро разрез будет у них посреди буквально зала... И когда губернатор, человек, который во власти, говорит, что люди, которые против этого, — бузотеры... ну абсурдность... Вообще власть не реагирует на проблемы... Это не мы виноваты, это вы дурачки, не понятно чем занимаетесь... Вот вчерашний разговор с „эшниками“: „...Почему ты вот в протесте?“ — „Потому что у меня бабушка сейчас не может, не может выйти на пенсию, мать убита налогами, потому что у нее ИП“, а вот этот мне говорит: „А ты сама дуручка, ты этой фигней занимаешься“. Вот серьезно, есть понимание, как может быть диалог? ...Тебе 17 лет, и тебе просто прилетает в ответ, вот от такой вот обезьяны и все. Потом он требует от тебя какие-то показания... Он против того, чтобы ты сказала, он хочет, чтобы ты сказала то, что ему надо, и держит над тобой вот так ножницы над волосами. Ну что это? Правда, отвратительно абсолютно... Вот роль протестных сообществ... Я прихожу к ребятам, говорю: „Ребята, это нормально?“ Они мне все-таки подтверждают, что это не нормально, поэтому это не должно быть так... У меня есть какие-то сомнения. Может быть, так и надо вообще... Может, я, правда, что-то делаю не так. Ну а вдруг... и вот здесь уже не может же столько людей ошибаться... ну все-таки» (активистка, Новокузнецк).

«Отношение — разное, вот с разрезами — там несколько лидеров, разные люди. Кто-то говорил: „Ребята вы лучше снимайте свои значки и приходите“. О'кей. Другие — почему бы и нет, вы же все-таки нас поддерживаете, какая разница. Ну кто-то — просто нет. „Да, вы можете что-то

там сделать, а тут к нам на этом основании придут точно. Лучше ничего не делать, потому что вы — бузотеры“. Но при этом среди них тоже есть большое число людей, которые всегда к нам хорошо относятся. „Да. Хорошо. Давайте“. Кто-то помогает, это самое главное. Проблема в том, что о них никто не знает. У нас есть угольный разрез. Он подходит вплотную к домам вообще. Огромная дыра в земле. Там вообще природа очень красивая, красивая к югу за Апанасом. И просто, просто вот одним взрывом поднимается наверх все, в том числе и это красивое... Прямое воздействие на жителей. И притом, что, допустим, там же за границей к этому относятся по-другому. Да, необходимо государству, обществу, нужно на конкретном предприятии порядок навести. Если там жить невозможно, дать им [жителям]... им какую-то компенсацию... медицинскую какую-то помощь... Чтобы люди могли жить нормально, так же, как и остальные, как-то им помогать» (активист, Новокузнецк).

Подведем краткие итоги. В настоящий момент формируется новый тип политической идентичности. Точное определение его характеристик, условий формирования, направлений активности, границы распространения, взаимосвязь с доминирующими культурными нормами и действующими институтами — вопросы будущих исследований. Пока лишь понятно — прежде всего этот новый тип без названия характерен для жителей больших и относительно благополучных городов, что его черты проявляются сильнее всего среди лидеров и активистов несистемных протестных объединений и что в основе конфликта — разрыв между провозглашенными и закрепленными в нормативных документах идеалами и существующей повседневной практикой управления, что эти нарушения касаются не столько традиционных классовых или этнических компонентов, сколько границ, определяемых как личное «Я», что активность связана с развитием дистантного и фрагментарного общения через медиа- и интернет-коммуникации, что ключевую роль в формировании поведения играет эмоциональная сфера и с каждым новым поколением эти проявления новой идентичности будут становиться все более и более выраженными и масштабными.

Эмоциональная составляющая является ключевой для понимания идентичности нового типа. Сложно говорить, насколько она включает в себя тот или иной объем интересов и какие закономерности сейчас существуют при конвертации общих переживаний в рост личного благосостояния, как будут решать морально-этические дилеммы и коллизии лидеры и участники протестных сообществ разных поколений, но пока ясно одно — приоритет эмоций над фактом и конфликты по поводу видения ситуации и формулировки по согласованию чувств и переживаний — вопросы ближайшего будущего уже и на локальном уровне. Феномены постправды и популизма уже дошли неузнанными до каждой российской семьи.

Особый интерес здесь представляют ключевые эмоциональные состояния, важнейшие для политического объединения: гнев и эмпатия. Пока, по нашим наблюдениям, новая идентичность больше эмпатична, чем гневлива. Фокус внимания наших информантов и респондентов чаще направлен на поиски общего между людьми. Обычно здесь и проявляются основные идеологические компоненты и межпоколенные разрывы. Молодые коммунисты больше говорят о справедливости и действиях по ее восстановлению, чем ностальгируют по прошлому, молодые националисты видят врага в конкретных этнических представителях частного бизнеса, чем ностальгируют по патриархальному укладу, молодые либералы, скорее, ориентированы на общие эстетические переживания, культурное самовыражение, отстаивание собственных, порой своеобразных вкусов, чем на защиту либеральных принципов экономики и прав человека. Гнев, безусловно, присутствует как разрыв между желаемым и действительным, причем чем старше возраст, тем этот разрыв все больше конкретизируется в форме конкретных имен, статей кодексов и персональных злоупотреблений. Причина происходящего обычно не артикулируется, и ответственность за все беды взваливается на аморфную «власть», приобретающую ту форму, которую в зависимости от идеологических взглядов интервьюируемый считает для себя наиболее неприемлемой. Сила — самый интересный компонент гнева — вообще обычно не связывается с личными достижениями и деятельностью, и ее проявление, скорее, связано с воображаемыми элементами, которым придается статус силы: «общественной поддержкой», «государственниками», «патриотами», «западными ценностями» и прочими словами-мифологемами. В целом в ходе беседы с активистами иногда возникает ощущение их бессилия, и в потоке слов и предложений можно уловить компенсаторные попытки связать свои представления с неким более сильным «другим», обозначаемым обычно общими метапонятиями «страна», «народ». Впрочем, сам интервьюер иногда ловит на себе проявления агрессии респондента, когда в интервью переходит некоторую границу, затрагивающую интересы и личные планы интервьюируемого.

По поводу разрыва поколений пока мало данных для того, чтобы убедительно опровергнуть гипотезу В. Радаева, скорее, наши наблюдения ее подтверждают. Новая идентичность больше проявляется среди молодых политических активистов, чем среди более возрастных. Но насколько эта идентичность связана с поколением, а именно конструированием сообщества на основе отождествления себя с каким-то комплексом исторических событий (в нашем случае переход на новый этап развития информационных технологий — интернет-коммуникации), или это проблемы возраста с типичными для него кризисами, выделенными еще Э. Эриксоном, вопрос пока остается открытым. Отметим только, что

наблюдения на митингах за поведением «бумеров» и «миллениалов», а также некоторые фрагменты интервью дают основания полагать, что для первых политика — это игра с выигрышем, не важно, нулевой или ненулевой суммой, но идея правил, победы и поражения явно здесь присутствует (тут естественна отсылка к Джорджу Герберту Миду с его различениями игры для удовольствия (play) и игры с жесткими правилами (game)). Для вторых — это акт, значимый сам по себе, как некоторая саморепрезентация, о которой необходимо сообщить всем и поделиться в социальных сетях. Явление, больше отсылающее к описанию языком рискованной городской романтики в условиях усиления социального контроля, чем к борьбе за конкретные интересы отдельной социальной группы.

Новые политические лидеры лучше умеют использовать потенциал социальных сетей, находят способы реализовать онлайн-недовольство в офлайновые уличные мероприятия и практически не имеют представительства в сложившихся институтах власти. Возможно, что через какое-то время часть из них впишется в существующий институциональный дизайн, но возможен сценарий серьезных стихийных и малопредсказуемых изменений действующих норм и правил политической борьбы и последующей организации (деорганизации) общества (сообществ) и государства (государств).

Список литературы

1. *Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения // Логос. № 5. 2006. С. 58—103.
2. *Идентичность: Личность, общество, политика* : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семенов. М. : Весь мир, 2017. 992 с.
3. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск : Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.
4. *Куренной М.* FAQ: Персональная идентичность: 7 фактов о проблеме самоопределения современного человека // Постнаука : [вебсайт]. URL: <https://postnauka.ru/faq/10442> (дата обращения: 10.06.2020).
5. *Малинова О.* Политика идентичности в постсоветской России. Политолог Ольга Малинова об идее нации, идентичности сообществ, стоящих за государством, и критериях принадлежности к этим сообществам // Постнаука : [вебсайт]. URL: <https://postnauka.ru/video/51378> (дата обращения: 10.06.2020).
6. *Манн М.* Источники социальной власти : в 4 т. Т. 4 : Глобализация, 1945—2011 годы. М. : Дело : РАНХиГС, 2018. 672 с.
7. *Радаев В.* Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 230 с.
8. *Соколов М.* Коллективная идентичность Социолог Михаил Соколов о восприятии солдатами войны, националистических движениях и феминизме // Постнаука : [вебсайт]. URL:

<https://postnauka.ru/video/22076> (дата обращения: 10.06.2020).

9. *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение* / сост. И. Г. Ясавеев. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2007. 276 с.

10. *Хиришман А.* Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. М. : Фонд Либеральная миссия, 2009. 153 с.

11. *Хокшильд А.* Управляемое сердце. Коммерциализация чувств. М. : Дело, 2019. 392 с.

12. *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М. : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

Y. A. Pustovoyt

ANGER AND EMPATHY: BUILDING IDETICS IN INTERGENERATIONAL POLITICAL COMMUNITIES

In the article are considered questions of modern political processes within the framework of concepts that focus on the formation of individual and collective identity, conscious or unconscious, expressed in concentrated form, correlation themselves to certain social groups on the basis of different criteria. Within the theoretical approaches of F. Fukiyama, J. Goldstone, and A. Hockshild, the author examines the emotional component of the group identification process and its significance for self-determination. The analysis of empirical data (observations and interviews) collected over the past six years on power coalitions and protest communities in Siberian cities leads to a preliminary conclusion about the formation of a new type of political identity. Its characteristic features are an increased emphasis on individual and collective emotional experiences that take precedence over traditional class, ethnic and territorial demands and goals, a focus on empathy rather than anger, a search for allies by feeling, not the interests. In the coming years, political generations will change by naturally and since the new generation was formed in fundamentally different conditions, got a different socialization than their predecessors, another serious transformation of social and political institutions is possible.

Keywords: identity, emotions, elite, power coalitions, protest communities, millennials, protests, Siberia.